

ПРОЛОГ

Техасский олень, дремавший в тиши ночной саванны¹, вздрагивает, услышав топот лошадиных копыт.

Но он не покидает своего ложа, даже не встает на ноги. Не ему одному принадлежат эти просторы — дикие степные лошади тоже пасутся здесь по ночам. Он только слегка поднимает голову — над высокой травой показываются его рога — и слушает: не повторится ли звук?

Снова доносится топот копыт, но теперь он звучит иначе. Можно различить звон металла, удар стали о камень.

Этот звук, такой тревожный для оленя, вызывает быструю перемену в его поведении. Он стремительно вскакивает и мчится по прерии; но скоро он останавливается и оглядывается назад, недоумевая: кто потревожил его сон?

В ясном лунном свете южной ночи олень узнает злейшего своего врага — человека. Человек приближается верхом на лошади.

Охваченный инстинктивным страхом, олень готов уже снова бежать; но что-то в облике всадника — что-то неестественное — приковывает его к месту.

Дрожа, он почти садится на задние ноги, поворачивает назад голову и продолжает смотреть — в его больших карих глазах отражаются страх и недоумение.

¹ С а в а н н а — американская степь, покрытая высокой сочной травой.

Что же заставило оленя так долго вглядываться в странную фигуру?

Лошадь? Но это обыкновенный конь, оседланный, взнузданный, — в нем нет ничего, что могло бы вызвать удивление или тревогу. Может быть, оленя испугал всадник? Да, это он пугает и заставляет недоумевать — в его облике есть что-то уродливое, жуткое.

Силы небесные! У всадника нет головы!

Это очевидно даже для неразумного животного. Еще с минуту смотрит олень растерянными глазами, как бы сляясь понять: что это за невиданное чудовище? Но вот, охваченный ужасом, олень снова бежит. Он не останавливается до тех пор, пока не переплывает Леону и бурный поток не отделяет его от страшного всадника.

Не обращая внимания на убегающего в испуге оленя, как будто даже не заметив его присутствия, всадник без головы продолжает свой путь.

Он тоже направляется к реке, но, кажется, никуда не спешит, а движется медленным, спокойным, почти церемониальным шагом.

Словно поглощенный своими мыслями, всадник опустил поводья, и лошадь его время от времени пощипывает траву. Ни голосом, ни движением не подгоняет он ее, когда, испуганная лаем койотов, она вдруг вскидывает голову и, храпя, останавливается.

Кажется, что он во власти каких-то глубоких чувств и мелкие происшествия не могут вывести его из задумчивости. Ни единым звуком не выдает он своей тайны. Испуганный олень, лошадь, волк и полночная луна — единственные свидетели его молчаливых раздумий.

На плечи всадника наброшено серапе¹, которое при порыве ветра приподнимается и открывает часть его фигуры; на ногах у него гетры из шкуры ягуара. Защищенный от ночной сырости и от тропических ливней, он едет вперед, молчаливый, как звезды, мерцающие над ним,

¹ Серапé — широкий мексиканский плащ.

беззаботный, как цикады, стрекочущие в траве, как ночной ветерок, играющий складками его одежды.

Наконец что-то, по-видимому, вывело всадника из задумчивости, — его конь ускорил шаг. Вот конь встряхнул головой и радостно заржал — с вытянутой шеей и раздувающимися ноздрями он бежит вперед рысью и скоро уже скачет галопом: близость реки — вот что заставило коня мчаться быстрее.

Он не останавливается до тех пор, пока не погружается в прозрачный поток так, что вода доходит всаднику до колен. Конь с жадностью пьет; утолив жажду, он переправляется через реку и быстрой рысью взбирается по крутому берегу.

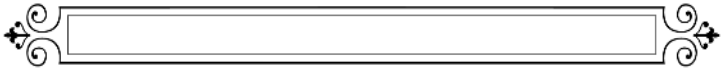
Наверху всадник без головы останавливается, как бы ожидая, пока конь отряхнется от воды. Раздается лязг сбруи и стремян — словно гром загрохотал в белом облаке пара.

Из этого ореола появляется всадник без головы; он снова продолжает свой путь.

Видимо, подгоняемая шпорами и направляемая рукой седока, лошадь больше не сбивается с пути, а бежит уверенно вперед, словно по знакомой тропе.

Впереди, до самого горизонта, простираются безграничные просторы саванны. На небесной лазури вырисовывается силуэт загадочной фигуры, похожей на поврежденную статую кентавра; он постепенно удаляется, пока совсем не исчезает в таинственных сумерках лунного света.

ГЛАВА I

ВЫЖЖЕННАЯ ПРЕРИЯ

Полуденное солнце ярко светит с безоблачного лазоревого неба над бескрайней равниной Техаса около ста миль южнее старого испанского города Сан-Антонио-де-Бехар. В золотых лучах вырисовываются предметы, необычные для дикой прерии, — они говорят о присутствии людей там, где не видно признаков человеческого жилья.

Даже на большом расстоянии можно разглядеть, что это фургоны; над каждым — полукруглый верх из белоснежного полотна.

Их десять — слишком мало для торгового каравана или правительственного обоза. Скорее всего, они принадлежат какому-нибудь переселенцу, который высидился на берегу залива и теперь направляется в один из новых поселков на реке Леоне.

Вытянувшись длинной вереницей, фургоны ползут по саванне так медленно, что их движение почти незаметно, и лишь по их взаимному положению в длинной цепи обоза можно об этом догадаться. Темные силуэты между фургонами свидетельствуют о том, что они запряжены, а убегающая в испуге антилопа и взлетающий с криком кроншнеп выдают, что обоз движется. И зверь и птица недоумевают: что за странные чудовища вторглись в их дикие владения?

Во всей прерии не видно никакого движения: ни летящей птицы, ни бегущего зверя. В этот знойный полу-

денный час все живое в прерии замирает или прячется в тень. И только человек, подстрекаемый честолюбием или алчностью, нарушает законы тропической природы и бросает вызов палящему солнцу.

Так и хозяин обоза, несмотря на изнуряющую полуденную жару, продолжает свой путь.

Каждый фургон запряжен восемью сильными мулами. Они везут большое количество съестных припасов, дорогую, можно даже сказать — роскошную, мебель, черных рабынь и их детей; чернокожие невольники идут пешком рядом с обозом, а некоторые устало плетутся позади, еле переступая израненными босыми ногами. Впереди едет легкая карета, запряженная выхоленными кентуккскими мулами; на ее козлах черный кучер в ливрее изнывает от жары. Все говорит о том, что это не бедный поселенец из северных штатов ищет себе новую родину, а богатый южанин, который уже приобрел усадьбу и едет туда со своей семьей, имуществом и рабами.

И в самом деле, обоз принадлежит плантатору, который высадился с семьей в Индианоле, на берегу залива Матагорда, и теперь пересекает прерию, направляясь к своим новым владениям.

Среди сопровождающих обоз всадников, как всегда, впереди едет сам плантатор, Вудли Пойндекстер — высокий, худощавый человек лет пятидесяти, с бледным, болезненно желтоватым лицом и с горделиво-суровой осанкой. Одет он просто, но богато. На нем свободно-го покроя кафтан из альпака, жилет из черного атласа и нанковые панталоны. В вырезе жилета видна сорочка из тончайшего полотна, перехваченная у ворота черной лентой. На ногах, вдетых в стремяна, — башмаки из мягкой дубленой кожи. От широких полей соломенной шляпы на лицо плантатора падает тень.

Рядом с ним едут два всадника, один справа, другой слева: это юноша лет двадцати и молодой человек лет на шесть-семь старше.

Первый — сын Пойндекстера. Открытое, жизнерадостное лицо юноши совсем не похоже на суровое лицо отца и на мрачную физиономию третьего всадника — его кузена.

На юноше французская блуза из хлопчатобумажной ткани небесно-голубого цвета, панталоны из того же материала; этот костюм — самый подходящий для южного климата — очень к лицу юноше, так же как и белая панама.

Его двоюродный брат — отставной офицер-волонтер — одет в военную форму из темно-синего сукна, на голове у него суконная фуражка.

Еще один всадник скачет неподалеку; у него тоже белая кожа — правда, не совсем белая. Грубые черты его лица, дешевая одежда, плеть, которую он держит в правой руке, так искусно ею шелкая, — все говорит о том, что это надсмотрщик над чернокожими, их мучитель.

В «карриоле» — легкой карете, представляющей нечто среднее между кабриолетом и ландо, — сидят две девушки. У одной из них кожа ослепительно-белая, у другой — совсем черная. Это единственная дочь Вудли Пойндекстера и ее чернокожая служанка.

Путешественники едут с берегов Миссисипи, из штата Луизиана.

Сам плантатор — не уроженец этого плата; другими словами — не креол¹. По лицу же его сына и особенно по тонким чертам его дочери, которая время от времени выглядывает из-за занавесок кареты, легко догадаться, что они потомки французской эмигрантки, одной из тех, которые более столетия назад пересекли Атлантический океан.

Вудли Пойндекстер, владелец крупных сахарных плантаций, был одним из наиболее надменных, расточительных и хлебосольных аристократов Юга. В конце концов он разорился, и ему пришлось покинуть свой дом

¹ Креолы — потомки французов или испанцев, ранних переселенцев в Америку. Они сохраняют свой национальный язык и обычаи.

на Миссисипи и переехать с семьей и горсточкой оставшихся негров в дикие прерии Техаса.

Солнце почти достигло зенита. Путники идут медленно, наступая на собственные тени. Расслабленные нестерпимой жарой, белые всадники молча сидят в своих седлах. Даже негры, менее чувствительные к зною, прекратили свою болтовню и, сбившись в кучки, безмолвно плетутся позади фургонов.

Тишина, томительная, как на похоронах, время от времени прерывается лишь резким, словно выстрел пистолета, шелканьем кнута или же громким бархатистым «уоа», срывающимся с толстых губ то одного, то другого чернокожего возницы.

Медленно движется караван, как будто он идет ощупью. Собственно, настоящей дороги нет. Она обозначена только следами колес проехавших ранее повозок, следами, заметными лишь по раздавленным стеблям сочной травы.

Несмотря на свой черепаший шаг, лошади, запряженные в фургоны, делают все, что в их силах. Плантатор предполагает, что до новой усадьбы осталось не больше двадцати миль. Он надеется добраться туда до наступления ночи. Поэтому он и решил продолжать путь, невзирая на полуденную жару.

Вдруг надсмотрщик делает знак возницам, чтобы они остановили обоз. Отъехав на сотню ярдов вперед, он внезапно натянул поводья, как будто перед каким-то препятствием.

Он мчится к обозу. В его жестах — тревога. Что случилось?

Не индейцы ли? Говорили, что они появляются в этих местах.

— Что случилось, мистер Сансом? — спросил плантатор, когда всадник приблизился.

— Трава выжжена. В прерии был пожар.

— Был пожар? Но ведь сейчас прерия не горит, — быстро спрашивает хозяин обоза, бросая беспокойный взгляд в сторону кареты. — Где? Я не вижу дыма.

— Нет, сэр, — бормочет надсмотрщик, поняв, что он поднял напрасную тревогу, — я не говорил, что она сейчас горит, я только сказал, что прерия горела и вся земля стала черной, что твоя пиковая десятка.

— Ну, это не беда! Мне кажется, мы так же спокойно можем путешествовать по черной прерии, как и по зеленой.

— Глупо, Джон Сансом, поднимать шум из-за пустяков!.. Эй вы, черномазые, пошевеливайтесь! Берись за кнуты! Погоняй! Погоняй!

— Но скажите, капитан Колхаун, — возразил надсмотрщик человеку, который так резко отчитал его, — как же мы найдем дорогу?

— Зачем искать дорогу? Какой вздор! Разве мы с нее сбились?

— Боюсь, что да. Следов колес не видно: они сгорели вместе с травой.

— Пустяки! Как будто нельзя пересечь выжженный участок и без следов. Мы найдем их на той стороне.

— Да, если только там осталась другая сторона, — простодушно ответил надсмотрщик, который, хотя и был уроженцем восточных штатов, не раз бывал и на западной окраине прерии и знал, что такое пограничная жизнь. — Что-то ее не видно, хоть я и с седла гляжу!..

— Погоняй, черномазые! Погоняй! — закричал Колхаун, прервав разговор.

Пришпорив лошадь, он поскакал вперед, давая этим понять, что распоряжение должно быть выполнено.

Обоз опять тронулся, но, подойдя к границе выжженной прерии, внезапно остановился.

Всадники съезжаются вместе, чтобы обсудить, что делать. Положение трудное — в этом все убедились, взглянув на равнину, которая расстилалась перед ними.

Кругом не видно ничего, кроме черных просторов. Нигде никакой зелени — ни стебелька, ни травинки. Пожар свирепствовал недавно — во время летнего солнцестояния. Созревшие травы и яркие цветы прерии —

все превратилось в пепел под разрушающим дыханием огня.

Впереди, направо, налево, насколько хватает зрения, простирается картина опустошения. Небо теперь не лазоревое — оно стало темно-синим, а солнце, хотя и не заслонено облаками, как будто не хочет здесь светить и словно хмурится, глядя на мрачную землю.

Надсмотрщик сказал правду: не осталось и следов дороги.

Пожар, испепеливший созревшие травы прерии, уничтожил и следы колес, указывавших раньше дорогу.

— Что же нам делать? — Этот вопрос задает сам плантатор, и в голосе его звучит растерянность.

— Что делать, дядя Вудли?.. Конечно, продолжать путь. Река должна быть по ту сторону пожарища. Если нам не удастся найти переправу на расстоянии полумили, мы поднимемся вверх по течению или спустимся вниз... Там видно будет.

— Но, Кассий, ведь этак мы заблудимся!

— Вряд ли... Мне кажется, что выгоревшее пространство не так велико. Не беда, если мы немного собьемся с дороги: все равно, рано или поздно, мы выйдем к реке в том или ином месте.

— Хорошо, мой друг. Тебе лучше знать, я положусь на тебя.

— Не бойтесь, дядя. Мне случалось бывать и не в таких переделках... Вперед, негры! За мной!

И отставной офицер бросил самодовольный взгляд в сторону кареты, из-за занавесок которой выглянуло прекрасное, слегка встревоженное лицо девушки. Колхаун прищпорил лошадь и самоуверенно поскакал вперед.

Вслед за шелканьем кнутов слышится топот копыт восьмидесяти мулов, смешанный со скрипом колес. Фургоны снова двинулись в путь.

Мулы идут быстрее. Черная поверхность, непривычная для глаз животных, словно подгоняет их; едва успев

коснуться пепла копытами, они тотчас же снова поднимают ноги. Молодые мулы храпят в испуге. Мало-помалу они успокаиваются и, глядя на старших, идут вслед за ними ровным шагом.

Так караван проходит около мили. Затем он снова останавливается. Это распоряжение отдал человек, который сам вызвался быть проводником. Он натягивает поводья, но в позе его уже нет прежней самоуверенности. Должно быть, он озадачен, не зная, куда ехать.

Ландшафт, если только его можно так назвать, изменился, но не к лучшему. Все по-прежнему черно до самого горизонта. Только поверхность уже не ровная: она стала волнистой. Цепи холмов перемежаются долинами. Нельзя сказать, что здесь совсем нет деревьев, хотя то, что от них осталось, едва ли можно так назвать. Здесь были деревья до пожара — алгаробо¹, мескито² и еще некоторые виды акации росли здесь в одиночку и рощами. Их перистая листва исчезла без следа, остались только обуглившиеся стволы и почерневшие ветки.

— Ты сбился с дороги, мой друг? — спрашивает плантатор, поспешно подъезжая к племяннику.

— Нет, дядя, пока нет. Я остановился, чтобы оглядеться. Нам нужно ехать вот по этой долине. Пусть караван продолжает путь. Мы едем правильно, я за это ручаюсь.

Караван снова трогается. Спускается вниз по склону, направляется вдоль долины, снова взбирается по откосу и на гребне возвышенности опять останавливается.

— Ты все же сбился с дороги, Каш? — повторяет свой вопрос плантатор, подъезжая к племяннику.

— Черт побери! Боюсь, что ты прав, дядя. Но скажи, какой дьявол мог бы вообще отыскать дорогу на этом пожарище!.. Нет-нет! — вдруг восклицает Колхаун, увидев,

¹ Алга р о б о — рожковое дерево.

² Меск и т о — колючий кустарник.

что карета подъехала совсем близко. — Мне теперь все ясно. Мы едем правильно. Река должна быть вон в том направлении. Вперед!

И капитан пришпорил лошадь, по-видимому сам не зная, куда ехать. Фургоны следуют за ним, но от возниц не ускользнуло замешательство Колхауна. Они замечают, что обоз движется не прямо вперед, а кружит по долинам между рощицами.

Но вот ободряющий возглас жокатого сразу поднимает настроение путников. Дружно щелкают кнуты, слышатся радостные восклицания.

Путешественники вновь на дороге, где до них проехало, должно быть, с десятков повозок. И это было совсем недавно: отпечатки колес и копыт совершенно свежие, как будто они сделаны час назад. Видимо, по выжженной прерии проехал такой же караван.

Как и они, он, должно быть, держал свой путь к берегам Леоны; очень вероятно, что это правительственный обоз, который направляется в форт Индж. В таком случае остается только двигаться по его следам. Форт находится в том же направлении, лишь немного дальше новой усадьбы.

Ничего лучшего нельзя было и ожидать. От замешательства Колхауна не остается и следа, он снова воспрянул духом и с чувством нескрываемого самодовольства отдает распоряжение трогаться.

На протяжении мили, а может быть, и больше караван идет по найденным следам. Они ведут не прямо вперед, но кружат среди обгоревших рощ. Самодовольная уверенность Кассия Колхауна переходит в мрачное уныние. На лице его отражается глубокое отчаяние, когда он наконец догадывается, что следы сорока четырех колес, по которым они едут, были оставлены каретой и десятью фургонами — теми самыми, что следуют сейчас за ним и с которыми он проделал весь путь от залива Матагорда.